

Цена 20 коп.

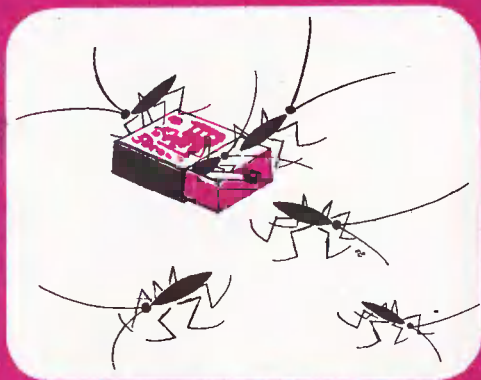
Индекс 72996

БИБЛИОТЕКА
КРОКОДИЛА

11
(904)

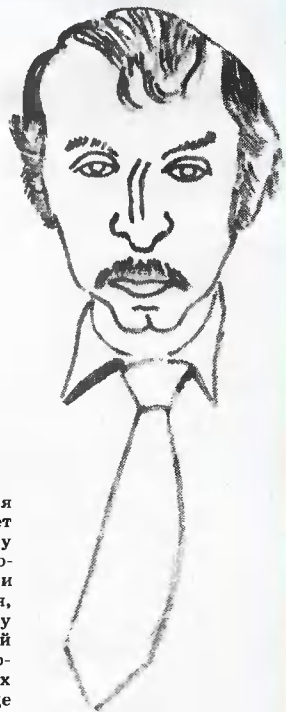
ISSN 0132-2141

ЭДУАРД ПОЛЯНСКИЙ

ШАШЛЫК ИЗ ВОРОН

Сатирико-юмористическая биография Эдуарда Полянского началась 16 лет назад, когда он поступил на службу в «Крокодил». О предшествующих 26 годах автор весьма сожалеет, так как они прошли вдали от веселого цеха. Хотя, надо сказать, что цеха, в которых ему довелось трудиться (токарный, наборный и др.), также не были лишены сатирико-юмористического начала. Порой и в этих цехах автор не чурался смеха. Что в конце концов и привело его в «Крокодил».

Автошарж

БИБЛИОТЕКА КРОКОДИЛА № 11

ЭДУАРД ПОЛЯНСКИЙ ШАШЛЫК ИЗ ВОРОН

Рисунки Г. ОГОРОДНИКОВА

МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»
1982

СЛАВНЫЕ РЕБЯТА

Сам я не пью, но изымите из продажи спиртные напитки, и жизнь моя сделается неполноценной. Без привычного окружения пьющих я быстро зачахну. Они всегда были рядом со мной, вселяли в меня бодрость и оптимизм.

Особенно это касается моих соседей. В последние пятнадцать лет я трижды менял место жительства, и всякий раз судьба одаривала меня соседом-выпивохой.

Сначала я жил в двухкомнатной квартире с подселением. Это наилучший вариант коммунальной квартиры, но многое зависит и от того, кого к вам подселят. Если это старушка или непьющий аспирант, то в пределах своей квартиры вы обречены на нудное существование, от которого у вас через годик-другой начнет звенеть в ушах, а от постоянного пересыпания вы всегда будете ощущать приподнятость духа, что не приведет к добру: вы либо женитесь, либо, что еще хуже, начнете сочинять стихи.

Мне с соседом повезло: его выгрузили из машины вместе с мебелью и, подняв на пятый этаж на руках, словно шкаф, швырнули на узлы.

Утром, протрезвев, он решил, что находится в вытрезвителе, и некоторое время называл меня гражданином начальником. А когда сообразил, где находится, схватился за узлы и первым делом извлек на свет божий бутылку водки.

— Выпустим джинна на свободу? — довольно образно спросил он.

© Издательство «Правда». Библиотека Крокодила. 1982 г.

Узнав, что я совсем не пью, он очень удивился и долго разглядывал меня, как реликтовое существо.

— Чем же мы будем заниматься по вечерам? — растерянно спросил он.

— Когда в шахматикши перекинемся, а когда и о последних научных достижениях поболтаем, — ответил я.

Насчет достижений я попал в точку. Новости науки моего соседа, которого звали Потапыч, крайне занимали. Правда, как выяснилось впоследствии, на определенной стадии опьянения.

В зависимости от количества выпитых условных рюмок — условных, потому что Потапыч пил только из стаканов, — интересы его менялись. Одна треть бутылки — это беседы о науке, две трети — брэнчание на гитаре, бутылка — педагогическая деятельность, направленная на мое перевоспитание, бутылка и одна треть — лирические воспоминания, бутылка и две трети — полив цветов.

Благодаря Потапычу кругозор мой заметно расширился. Где-то в полночь я получал любопытную информацию о явлениях, происходящих в созвездии Тельца после вспышки там сверхновой звезды, в час ночи прослушивал полную трагизма песню об одном воре-карманнике, который мечтает о встрече с возлюбленной, но встретиться им не суждено — когда на воле он, она в тюрьме, освобождается она — он снова садится. Около двух часов Потапыч вешал гитару на гвоздик и вел разговоры о коллективизме («не пить — это вызов обществу»). Мне было очень стыдно, всей душой хотелось восстановить утраченную связь с обществом, но, увы, индивидуалистические наклонности все-таки брали верх.

Убедившись, что я не поддаюсь перевоспитанию, Потапыч ударялся в лирику и с нежностью вспоминал своих бывших собутыльников, которых он потерял после переезда. А глотнув следующую порцию, впадал в сентиментальность и с умилением на лице поливал мои цветы (за неимением своих).

— Как видите, до звона в ушах мне было далеко, пересыпание также не грозило.

Потом я получил однокомнатную квартиру. Веселый человек Антон, или Антик, как его звали многочисленные друзья, жил подо мной. Меня его друзья привыкли видеть в трусах, так как, путая этажи, частенько звонили в мою квартиру. А визиты Антику они предпочитали наносить ночью.

Через некоторое время я догадался повесить на свою дверь объявление: «Антик живет этажом ниже». Но и объявление не всегда срабатывало. Приятели Антика все равно вытаскивали меня из постели. Они понимали, как скучно мне одному, жалели меня и потому из врожденной деликатности делали вид, что не замечают записки.

В то время я писал диссертацию и был крайне признателен этим

славным ребятам за бессонницу, которой они меня одарили. В результате, работая и по ночам, я защитился вдвое быстрее. На защите чуть ли не каждую фразу я завершал странным словосочетанием «где-где». Профессору сначала показалось, будто я от волнения потерял оппонента и спрашиваю, где он, но затем сообразил, что это я от переутомления заговариваюсь.

А гдедеканье мое объяснялось просто. Антик, как и Потапыч, любил музыку. Но услаждал он свой слух не щипковым инструментом, а проигрывателем. Любимая его пластинка с песней про Вологду и крутилась целые сутки. Помните? В этой песне певца как бы заедает на Вологде: то у него получается Вологда-гда, то Вологде-где. Ну, и я так полюбил эту песню, что, пока не переехал на новое место, при любом удобном случае гдакал и гдекал.

А переехал я в дом-новостройку, поселившись в нем одним из первых. Поселился и по ночам слушаю, где-где раздадутся дорогие сердцу звуки. Раздались сверху.

Зовут его дядя Костя. Он играет на гармошке и пляшет. Все пьющие люди музыкально одарены. Иногда дядя Костя приходит ко мне и просит рубль. Это несколько скрашивает мое существование. Я даю ему рубль насовсем и прошу разнообразить репертуар. По моим заявкам дядя Костя разучил несколько новых плясовых мелодий. Думаю, и докторскую напишу в рекордно короткий срок.

АНОНИМКА

Пока мне не стукнуло сорок, никто не удосужился написать на меня анонимку. Отчасти это было обидно: на других пишут, а я чем хуже? Ведь что-то анонимщиков привлекает в людях, хватает за живое, а я, очевидно, всю жизнь был для них пустым местом.

И на тебе — написали. Да так много и подробно, что у меня начисто обида прошла: недаром столько лет ждал. И облик у меня из этого документа вырисовывался колоритнейший.

Оказывается, я отлавливаю у себя дома тараканов, которых специально культивирую, скрещивая черных с рыжими для получения особо вредного вида, и, посадив их в спичечные коробки (по пять штук), подбрасываю в портфели сослуживцев. Именно этим и объясняется тот факт, что в домах наших работников в последнее время расплодился тараканы. Особенно активно я снабжаю насекомыми нашего директора.

Моя близкая родственница, а точнее двоюродная сестра моей первой жены, приобрела импортный унитаз голубого цвета, а поскольку данный прибор — моя давнишняя мечта, в чем я неоднократно признавался своим коллегам, не свидетельствует ли это о том, что я вот-вот брошу свою вторую жену и вернусь к первой?

Кроме того, недавно меня застукали с Клавдией Антоновой, нашей секретаршей. В надежном месте хранится магнитофонная запись нашего разговора. Дословно приводится записанный текст:

— Нет ли у вас, Клава, синего карандаша?

— Синего нет, есть красный (произнесено кокетливо).

— А нет ли у вас, Клава, дырокола?

— Дырокол есть, но он неисправен (произнесено с большим чувством).

— А не пойти ли нам, Клава, пообедать?

— С огромным удовольствием! (Произнесено со страстью.)

Из этого разговора само собой вытекает, что я соблазняю беззащитную женщину.

Далее. Месяц назад по соседству со мной ограблен хозяйственный магазин. В ту ночь мне звонили домой. Телефон не отвечал. Нет никакого сомнения, что шайка грабителей, состоящая из меня и моей жены, проникла в магазин и унесла ценностей на общую сумму 725 рублей 11 копеек. Уличают нас следующие обстоятельства: после ограбления магазина моя жена постоянно стирает (надо же изводить награбленный порошок!), сам я все время что-то заколачиваю (а иначе куда девать пятнадцать ящиков гвоздей, похищенных из магазина?).

И вообще я подпольный миллионер. На работе обедаю подозрительно скромно. Ем каши и паровые котлеты, чтобы подчеркнуть свою финансовую несостоятельность. Но иногда я не выдерживаю и, забыв о конспирации, беру роскошную закуску, цыпленка-табака и прожигаю трешник. Это и выдает меня как подпольного миллионера.

— Ну что скажешь? — спросил директор, ознакомив меня с письмом.

— Рад, что наконец-то обратили на мою скромную персону внимание, — признался я. — А то как вол вкальзываешь и никто доброго слова не скажет. Вы, например, товарищ директор, больше двух лет не интересовались моей особой. Я крайне признателен автору анонимки — он организовал нашу встречу. Благодарю его и за высокую оценку моих деловых качеств.

— Не спятил ли ты, братец? — изумился директор. — Какой-то негодий мажет тебя дегтем, а ты его благодаришь!

— Пусть мажет, — сказал я. — Но одновременно он аттестует меня как башковитого, энергичного человека. Чтобы обчистить магазин, нужно и план ограбления заранее набросать и продумать все детали, нужна смелость. Вы, товарищ директор, на одном собрании называли меня робким, неинициативным. А я не робкий, я скромный. И не выставляю напоказ свою деловитость. Выходит, этот клеветник лучше разобрался во мне, чем вы, товарищ директор.

— Странная любовь к анонимщикам, — вздохнул директор. — Лично я не намерен принимать всерьез эту пакость.

Он скомкал письмо и швырнул его в корзину. Я вскочил, достал из корзины письмо и, разгладив его, положил перед директором.

— А лично я требую дать ход этому сигналу, — решительно сказал я. — И выяснить, наконец, инициативный я или нет. Что-то мне до сих пор не встречались инициативные миллионеры!

— Мне они тоже не встречались, — признался директор. — А скажи, братец, действительно у тебя таракашки водятся?

— Водятся, — подтвердил я. — Могу подбросить пяток. В спичечном коробке.

— У меня своя популяция, — сказал директор. — Более древняя. Ты здесь ни при чем. Не было у тебя и романа с Клавдией Антоновной — у нее второй год роман с другим сотрудником. Но это ее дело, тем более холостая она. Магазин ты не грабил — его вообще не грабили. Каждый имеет право на мечту. Ты мечтаешь о голубом унитазе — и на здоровье! На подпольный бизнес у тебя не остается времени, так как, по моим сведениям, ты все вечера репетируешь в нашем клубном оркестре. Так стоит ли выяснять, что и так ясно? Даже главк, откуда спустили анонимку, не настаивает на разбирательстве.

— Стоит, — сказал я. — И обязательно с ответом главку.

Я добился своего. Директор образовал комиссию по проверке анонимного сигнала. Был составлен ответ в главк. Чтобы показать, что анонимка насквозь лживая, авторы ответа всячески превозносили меня как ценного работника и образцового семьянина.

В главке получают ответ и недоумевают. Странно, говорят, директор треста на прошлой неделе в жилетку плакался: некого, дескать, на зава отдела выдвинуть. А тут такой ценный кадр пропадает. И опыт какой — двадцать лет на одной должности.

Так я стал руководителем отдела. С помощью анонима, который вовремя меня заметил.

Спасибо тебе, неизвестный друг!

ШТАМП НА ВОДОПАДЕ

Меня назначили директором дома отдыха. Вступив в должность, я распорядился:

— Принесите простыню!

Почему-то лица у всех вытянулись. Но приказание мое выполнили. Внимательно осмотрев простыню, я сказал:

— Все, больше так работать не будем. Иначе вы меня по миру пустите.

Присутствующие устали на простыню, пытаюсь понять, почему я сделал такое решительное заявление.

Я передал простыню кастелянше:

— Будьте любезны, отыщите опознавательный знак дома отдыха. Кастелянша долго вертела простыню, пока не обнаружила в уголке маленький треугольный штампик. Я взял ножницы и отрезал его.

— Чик — и нету, — сказал я. — Современный отдыхающий вполне додумается.

И, потребовав штамп, я разукрасил простыню по диагонали треугольничками.

— Прошу немедленно проштамповать все постельное белье, — энергично сказал я. — А также одеяла, покрывала и шторы.

Со штампиком в руках я начал обход своих владений. В вестибюле мне бросился в глаза пейзаж в рамке.

— Не вижу, чья картина, — огорчился я.

— Саврасова, — подсказали мне. — «Водопад» называется.

— Догадываюсь, что не Монз, — блеснул я эрудицией. — А где штамп дома отдыха?

— На обратной стороне.

— Что за наивные люди! — удивился я. — Любой отдыхающий может смело вешать эту картину в своей квартире. И никто не догадается, что она ворованная.

И я поставил штамп непосредственно на водопад. Точно так же я поступил с произведениями Шишкина, Репина, Айвазовского и современных авторов.

В столовой мне радостно сказали:

— Ну, тут-то у нас все в порядке. На ложках, вилках и ножах, как видите, характерные дырки.

— Вот именно, характерные, — покачал я головой. — Такие дырки встречаются в любой столовой. Нам нужны свои, оригинальные дырки. Чтоб отдыхающий, уличенный в краже, не смог отпереться. И сказать, что украл не у нас.

Обследовав мебель, я велел перевесить инвентарные бирки на самые видные места.

— Впрочем, для мягкой мебели это не выход, — задумался я на минутку. — Обшивка на диванах все равно остается незащищенной. Ее надо метить особо.

И, подышав на штампик, я наклепал несколько фирменных треугольничков на диванных подушках.

Но больше всего меня поразили ковры. Они лежали на полу без всякой страховки. Сворачивай и уноси.

— Безобразие! — возмущился я. — Никакого чувства ответственности. А пропади хоть один, нам за год не расплатиться. Записывайте: изготовить цепи и приковать ковры к радиаторам водяного отопления.

Когда обход здания подходил к концу, я сказал:

— Вроде бы чего-то не хватает. Да, между прочим, что-то я не вижу этих... как их... отдыхающих.

— Почти все сбежали на соседнюю турбазу, — объяснили мне. —

Питание им, видите ли, не подходит. Изжога, говорят, от него и ночные кошмары. Развлечения, говорят, однообразные. Шашки и домино, домино и шашки. Культработник от пьянства опух.

— А это кто с чемоданом? — показал я на спускающегося по лестнице мужчину.

— Последний отдыхающий бежит, — ответили мне.

— Задержать! — приказал я.

Беглеца схватили и привели ко мне в кабинет.

Я опустил штамп на штемпельную подушку и затем неожиданно для всех припечатал его ко лбу отдыхающего.

— Теперь не сбежит, — уверенно сказал я. — Будем метить и клиентуру. А от турбазы категорически потребуем, чтоб с нашей меткой не брали. А то ишь до чего дошло! Уже и отдыхающих воруют!

ЗАРАЗИТЕЛЬНЫЙ ПРИМЕР

Запала мне в душу одна лекция. О правилах хорошего тона. Оказывается, в приличном обществе не принято распространяться о болезнях. Кое-кто прямо терроризирует окружающих рассказами о всевозможных неполадках в своем организме. У одного, скажем, случились почечные колики, и он, выйдя на работу, весь день описывал коллегам, как он лазил по стенкам, выл по-волчьи и грыз в беспамятстве спинку кровати. Другой предъявил искусственную челюсть и давай выкладывать леденящие душу подробности о двухмесячной вставной эпопее. Третий разложил по полочкам очередной курс лечения язвы желудка — что кололи, как и куда.

А по вечерам наши жены, как всегда, интересуются:

— Что новенького на работе?

И мы отвечаем:

— У Синицына от уколов ягодицы задубели. Пастухову подгоняли зубы под протез и оттяпали кусок языка. Носков целую неделю питался только спинкой кровати.

Жены, конечно, сразу делаются задумчивыми. Они вспоминают о своих болячках. И ночью у отдельных жен пошаливает сердце, балует давление, по-хулигански ведет себя двенадцатиперстная кишка.

На службе мужья спрашивают друг у друга:

— Что новенького дома?

И следуют ответы:

— За ночь жена выпила весь наличный кордиамин.

— Трижды вызывали «Скорую помощь».

— А моя супруга до утра проклинала Синицына с его задубевшими ягодицами. Синицынская язва взбудоражила ее двенадцатиперстную кишку.

И так изо дня в день люди толкуют о своих болезнях. Провоцируют себе новые кризы, приступы, обострения. И все оттого, что не знакомы с правилами хорошего тона, скептически относятся к лекциям.

Меня даже подняли на смех, узнав, что я ходил на лекцию. И кто, говорят, довел тебя до такой жизни!

А никто не довел, я сам дошел.

И, кстати, знания, полученные на лекции, недавно мне пригодились. Я сильно простудился и решил никому об этом не говорить. Явился на работу с температурой, платка от носа не отрываю, в горле словно после неудачного шпагоглотания.

И молчу.

Что, у людей без меня забот не хватает?

Другой бы на моем месте давно все расписал: и какая температура, и сколько платков уходит в час, и про ощущения в горле не умолчал бы, и на лмоту во всем теле не упустил бы случая пожаловаться.

А я как воды в рот набрал. Только чихаю направо и налево. Бумаги сотрудникам передаю. А если и беседую с кем, так исключительно по делам службы.

Смотрю, через несколько дней весь отдел хором чихает. У некоторых глаза красные, другие в столовую перестали ходить — глотать больно. И каждый с платочком сидит. А один даже кусок простыни принес, так его разобрало.

Ну, думаю, сейчас начнется обмен информацией. И действительно, этот, с простыней, прохрипел:

— У меня, — говорит, — когда чихаю, в груди больно.

А один из тех, кто глотать не мог, хотел поддержать разговор, да не тут-то было. Рот открывает, а голоса нет. Сел голос.

Другие тоже стали какие-то неразговорчивые. Наконец-то, думаю, правила приличия соблюдают. Заразил я все-таки людей своим примером. Хороший пример, он всегда заразителен.

БЕЛЛА

В гости я люблю ходить больше, чем принимать гостей у себя. Являешься с тортом или бутылкой «Шампанского», а выпиваешь и съедаешь недельную норму. Если по домашним меркам.

Выгодно. И посуду после гостей не надо мыть до одури.

Кроме того, гость, он когда выпьет, становится неуправляем. По себе знаю. В гостях у меня появляются легкость и раскованность. Хочется пригасить сигарету об импортную стенку, сесть на транзисторный приемник, разбить хрустальный бокал.

Вот почему я с удовольствием хожу в гости. Только к Желтухиным, друзьям жены, ходить не люблю. Когда Желтухины приглашают, я хватаюсь за печень и громко подвываю. А с больной печенью, это

и Маша, моя жена, понимает, одни ненормальные ходят в гости. Торт приволокешь, а попить и поесть вволю не в состоянии. Никакого смысла — убыток лишь.

Но вчера Мария перехитрила меня.

— Коречки, — говорит, — звонили, приглашают. Как у тебя с печенью?

Я и поймался на удочку:

— На редкость, — отвечаю, — с печенью. Как будто ее и нет вовсе.

Мы купили торт, поймали такси. Маша называет водителю улицу Желтухиных. Я по привычке хватаюсь за печень, но уже поздно: на торт потратились, а сами сладкого не употребляем. Отступать некуда.

В дверях нас встретила Белла — из-за нее-то я и сторонюсь Желтухиных. Белла — здоровенный боксер дамского пола. Как всегда, она при полном параде, на шее позвякивает ожерелье из медалей.

Пока мы раздевались, Белла крутилась возле нас, обнюхивала торт. Встав на задние лапы, она уперлась передними в мой пиджак, тыкалась влажной мордой в яркий галстук.

— Могла бы заранее сказать, куда идем, — раздраженно шепнул я жене. — Одел бы старый костюм.

Когда позвали за стол, я, незаметно от Беллы, нахватал в тарелку закусок и после первого тоста стал торопливо запихивать их в рот. Но запихнул самую малость. Белла, высунув из-под стола свою морду, на которой была явная издевка, устроила ее на моих коленях, прося подачки.

Гости заумилились. Пришлось скормить собаке довольно лакомые кусочки.

За столом говорили только о Белле. Собачья тема была самой популярной в доме Желтухиных. Встречая гостей, они прежде всего интересовались:

— Ну, что Беллочка? Правда, похорошела?

— Собачья Венера! — дилетантски подтверждали одни.

Другие выказывали знание предмета:

— Ах, какая эффектная линия живота!

— Ах, какая отчетливая маска!

— Обратите внимание на классическую ширину и глубину морды.

— И верхняя губа хороша — изумительно толстая и мясистая!

— А что стоит ее характер — сплошное дружелюбие и общительность!

Это точно — в общительности Белле не откажешь. В навязчивости тоже. Меня она почему-то выделяет из всех гостей и ходит за мной по пятам. Я отправляюсь на лоджию покурить — Белла прилипает к окну и следит, чтобы я не швырнул с восьмого этажа хозяйские лыжи. Я в ванную: помыть руки после утки — она торчит за спиной, словно боится, что я начну закусывать английским мылом «Люкс».

А стоит мне приблизиться к трюмо, и Белла тревожно лает, как бы предупреждая всех: «Внимание, опасность!»

Помнит, как я однажды, набравшись до чертиков, перепутал дверь с зеркалом, висевшим в прихожей, и разворотил его головой.

И вообще Белле есть что вспомнить обо мне. Гуляю я всегда со вкусом, без куража выпивки не признаю — не для того напитки выпускают, чтобы хватануть и на бочок. Снотворное в аптеках продают, а не в магазинах. Хочешь спать — кушай димедрол, а добро зря не переводи.

Ну вот, гуляю я со вкусом, и Белла хорошо меня знает. Это я совал ей сигарету в пасть, угостил конфетой, которую предварительно подержал в рюмке со «Старкой» — визгу-то, визгу-то было.

Это я как-то набросил на Беллу плед, после чего она с перепугу забилась под кровать, и хозяева весь вечер не могли ее оттуда выманить.

Желтухины одно время смертельно обижались на меня, но потом смягчились. Во-первых, Маша — лучшая подруга Желтухиной, во-вторых, всем ясно, что парень я ничего, а дурным от водки делаюсь. Не ставь ее передо мной, и я, как все воспитанные гости, буду поддерживать светскую беседу и отпускать комплименты в адрес четвероногого друга.

А как не поставишь? Не отменять же застолье? Опрокинуть стопарик все не дураки, хотя лица при этом не теряют. А я на глазах перевоплощаюсь.

И вчера вошел в образ. После второй рюмки без особых церемоний спихнул морду Беллы со своих колен и под столом, незаметно от гостей, двинул ее ногой в бок. Как собака воспитанная, она сделала вид, что ничего не заметила. Хотя сообразила, шельма, что я уже в образе и на всякий случай улеглась около трюмо.

Желтухины расписывали гостям последнюю собачью выставку, на которой Белла отхватила малую золотую медаль. За экстерьер, а иными словами за красоту.

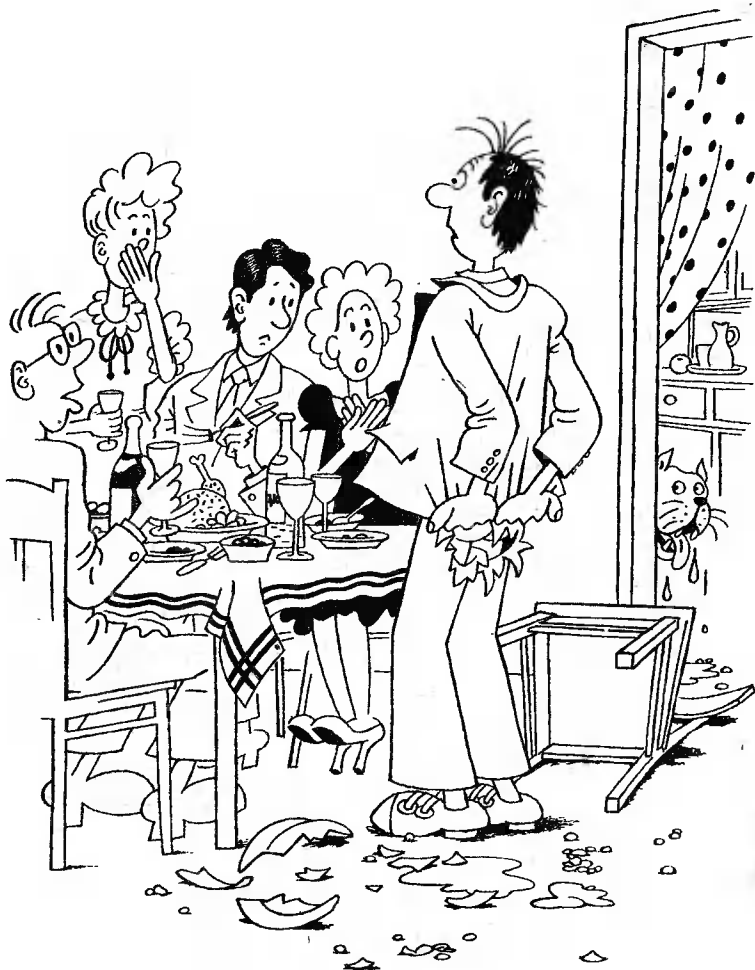
— С Беллочкой нам удивительно повезло, — пела Желтухина. — Все у нее на месте. И окрас рыжий, и оттенок самый модный — золотисто-красный, и пропорции соблюдены.

— А сколько трагедий наблюдали мы на выставке! — подхватил Желтухин. — Каких только изъянов не бывает у боксеров! И горбатая спина, и плоская грудь, и неправильный прикус.

— Все-таки родословная сказывается, — снова вылезла Желтухина. — У Беллочки в роду сплошные чемпионы.

Она перечислила всех дедушек и бабушек своей собаки вплоть до пятого колена, не забыв упомянуть и об их заслугах. Все они были чемпионами породы, а один предок по имени Жан-рыжий — чемпионом Франции.

Здесь я не выдержал:

— Зачем так грубо привирать! — ляпнул я. — Каким образом предки этого пса могли оказаться за границей?

Гости зашикали на меня и стали говорить, что собаки, как и люди, иногда пересекают границы, их вывозят щенками, среди которых попадаются и отпрыски чемпионов. Ничего, дескать, странного.

Тогда я подъехал с другой стороны:

— Мало нам своих собак, так еще иностранных ввозим! То-то, я смотрю, в последнее время куда ни плюнь, везде какая-нибудь шавка путается под ногами.

Мария больно наступила мне на ногу, а Желтухин нервно сказал:

— Когда привозят породистого щенка, это нам на руку. Улучшается отечественная порода.

— Глупости! — разозлился я. — Улучшать надо породы свиней. Чтобы они постнее были. А что вы в собаке улучшаете? Линию живота? Ширину морды? А не все ли равно, какая у нее морда — широкая или узкая? Собака охранять призвана. А с этим любая паршивая дворняжка справляется.

У Желтухиной глаза полезли на лоб.

— А эстетика... — выдавила она из себя. — А ощущение красоты...

— На вкус и цвет товарищей нет, — мудро заметил я. — Что вы тут все раскудахтались! Белла... Беллочка... Ах, красавица... Ах, умница... Для вас красавица и умница, а для меня рядовая сука. И к тому же довольно противная. Так и подмывает запустить в нее салат под майонезом!

И, схватив со стола тарелку с салатом, я припечатал ее к морде этой любимицы публики, этой медалистки, в жилах которой течет кровь заграничного чемпиона Жана-рыжего.

— Стоять, Белла, — скомандовал Желтухин, но его команда на какую-то долю секунды опоздала. Белла разомкнула челюсти и снова сомкнула их где-то в районе моей ягодицы. Не знаю почему, но ягодицу она мне не прокусила. Может, сказало воспитание, а может, наследственность — уж чему-чему, а хорошим манерам Жана-рыжего во Франции смогли обучить.

А вцепилась Белла челюстями в мои брюки, прихватив, как выяснилось чуть позже, и трусы. Мощно рванув, она оголила меня ниже пояса и вытерла морду о мои довольно хилые ягодицы.

— Все-таки породы людей тоже необходимо улучшать! — непонятно на что намекая, сказал один из гостей.

КОВЕР

Моя жена всю жизнь мечтала о ковре. Как только родилась, так сразу и начала мечтать. Скорее всего, уже в роддоме она не вытерпела и поинтересовалась: «Как нынче ковры — не в дефиците?»

К моменту ее появления на свет ковры были в дефиците. Потому жена и мечтала о ковре всю жизнь. А продавались бы свободно, зачем мечтать? Пойди и купи.

Другое дело, может, и не захотелось бы покупать. Не дефицитное-то.

Но моя жена все равно захотела бы. У нее не только, как у всякой нормальной женщины, страсть к дефициту. Она еще и не любит голых стен. Они ее раздражают. Бесят даже. Что-то, говорит, в неприкрытой стене вызывающее есть. Бесстыдное даже. Противоречащее нашей морали.

Ну, это она идейную базу подводит. Для оправдания своих приобретенческих наклонностей.

Чтобы уберечь жену от моральных травм, я в меру сил прикрывал наши стены. Одну стену украсил портретами многочисленных родственников. Другую — превратил в домашнюю «Третьяковку».

И вот однажды жена приходит с работы взволнованная и какая-то похорошевшая.

— Свершилось, — кричит чуть ли не с порога. — Я выиграла ковер. Три на четыре.

— Наконец-то, — радуюсь я. — Но где же он в таком случае? Жена смеется.

— Чудак! Пока я вытянула ковер по жребию. Теперь будем ждать открытку из магазина. И срочно собирать деньги.

— А где мы их будем собирать? — поинтересовался я. — На улицах деньги не валяются.

— У родственников, — ответила жена. — Воц их сколько развезлось! Месяца за три-четыре вернем долги.

Родственники, действительно, оказались на высоте и в обстановке большого подъема собрали необходимую сумму. И, о неблагодарность, когда я приволок на своем горбу ковер из магазина и свалился как подкошенный на диван, жена указала мне именно на ту стену, где висели наши благородные родственники. Раскидав их, я вколотил в стену гвозди и повесил ковер.

— Отныне спим под ковром, — сказала жена. — Я хочу, чтобы ты, наконец, почувствовал себя человеком.

— Я и без ковра не считал себя обездоленным, — признался я, придвигая диван-кровать к стенке с ковром.

Мы постелились, и жена долго любовалась ковром, не давая выключить свет. Ночью ковер упал, похоронив нас заживо. Спросонья мы долго не могли сообразить, что случилось. Было темно. Не хватало воздуха. Неизвестное чудовище сдавливало грудь.

— Кто здесь? — спросила жена, уколотившись о мой локоть.

— По-моему, это я, — ответил я. — И по-моему, мне плохо. Не по себе как-то. Возможно, я умираю.

— И со мной не все в порядке, — сказала жена. — Мутит. И не могу встать, мешает что-то.

— Наверное, отравились, — сообразил я. — Что мы ели на ночь?

— Ничего, — ответила жена. — Мы не успели поужинать, так как вешали ковер.

Тут мы вспомнили о ковре и поняли, что за чудовище навалилось на нас. Я выполз из-под ковра и выпустил на свободу жену.

Было три часа ночи. Мы подогрели чайник, растелили ковер на полу и, усевшись на нем по-турецки, принялись чаевничать.

— Не ковер, а чудо, — жмурясь от удовольствия, сказала жена. — Хочешь на стенку вешай, хочешь на пол стели. Как ты считаешь?

— Лучше на пол, — ответил я. — Все-таки приятнее, когда ты на ковре, а не он на тебе.

ПУТЕШЕСТВИЕ НА ЛИФТЕ

В моем подъезде два лифта — грузовой и пассажирский. За три года — таков возраст нашего дома — не было дня, чтобы один из них не стоял на приколе. При чем всякий раз ремонтом занималась целая бригада. Механики залезали в шахту, гремели там железяками, сидели верхом на лифте, поглядывая через полуоткрытую дверь на жильцов, перекивались друг с другом.

В тот день жена послала меня за хлебом. Вхожу в подъезд, смотрю, супруги Авазовы диван-кровать в грузовой лифт запихивают. Его только что отремонтировали, а пассажирский на ремонт поставили. Надо же что-то ремонтировать. Поэтому перед лифтом томятся в ожидании посадки еще два человека — дядя Костя, которого еще никто не видел трезвым, и Марья Семеновна с собачкой Розой. Марья Семеновна, как всегда, с ведром в руках. А в ведрке веник и совочек. Это, чтобы за собачкой убирать. На редкость культурная старушка.

Наконец Авазовы погрузились, а за ними и все остальные.

Но Авазова говорит:

— С собакой выйдите. Все-таки ценную вещь транспортируем.

А Марья Семеновна, несмотря на высокую санитарную культуру, отвечает ей с издевкой:

— А где вы только размещаете мебель! Недели не проходит, чтобы не везли чего-нибудь!

И не вышла из лифта.

Авазова глянула на меня и на дядю Костю, ища поддержки, но не нашла ее — мы тоже не понимали, куда люди девают мебель. Авазова со злобностью вдавила кнопку пятого этажа. Лифт пошел. Супруги ухватились за кресло с разных сторон, и так стояли, полусогнувшись, в ожидании остановки. Но лифт почему-то не останавливался.

— Кажется, мы проехали свой этаж, — сказала Авазова, выпрямившись.

— И мой тоже, — вставил дядя Костя.

— Смешно, но у меня такое ощущение, что мы и мой, последний этаж проскочили, — сказал я.

Роза заскулила. Марья Семеновна воспользовалась веничком и совочком.

— Что за шутки? — номенклатурным голосом пробасил Авазов. — Сейчас же остановите лифт!

Бросив кресло, он нажал на кнопку «Стоп». Лифт не остановился.

— Все, кто был в лифте, недоуменно переглянулись.

Дядя Костя надавил на кнопку вызова диспетчера.

— Слушаю вас, — сказали из динамика.

— Кажется, мы не на тот номер сели! — заорал дядя Костя.

— Пить надо меньше, — посоветовала диспетчер.

Тогда кнопку нажал я:

— Послушайте, мы едем на лифте уже минут десять. За это время можно до сотого этажа добраться. А в нашем доме всего шестнадцать.

И тут в динамике кто-то восторженно заговорил:

— Внимание! Говорит техник Стеклов из лифтремонта. Лифт в космическом пространстве! Лифт в космическом пространстве! Я только хотел испытать двигатель собственной конструкции. На реактивном топливе. Поставил его на лифт — ведь три года ремонтируем и все без толку. А он улетел.

— Что он такое бормочет! — пробасил Авазов. — Валерий... э-э-э... не знаю, как вас по батюшке. Вы самый спортивный из нас. Наверху отдушины — встаньте на кресло и загляните в них.

По батюшке меня зовут Федорович. Я взгромоздился на кресло и прильнул к вентиляционным отдушинам.

— Темно, как ночью, — прокомментировал я увиденное. — Вообще-то на космос похоже.

— Какой еще космос! — возмутилась Марья Семеновна. — Я только обедать собралась. У меня суп на маленьком огне варится.

— Товарищи космонавты! — донеслось из динамика. — У микрона изобретатель космического лифта Стеклов. Поздравляю вас с выходом на орбиту!

Дядя Костя загоготал:

— И мы тебя, Стеклов, поздравляем. Впервые в космос запущено кресло-кровать. И пол-литра «Стрелецкой».

Он извлек из пиджака бутылку, но она выпорхнула у него из рук и повисла в воздухе. Вслед за ней оторвался от пола и дядя Костя. Все остальные тоже взмыли в воздух. Авазов, номенклатурный работник министерства, несолидно дрыгая ногами у потолка, ударом головы отпассовал кресло-кровать в сторону супруги, и та прижалась к нему всем телом.

— Береги полированные части! — скомандовал Авазов, упершись ботинком в мое ухо.

Роза плавно спланировала на Авазову.

— Высадите собаку! — закричала Авазова. — Она щекочет меня хвостом.

— Еще не остановка, — сказал дядя Костя, изловив «Стрелецкую».

— А будет остановка? — спросила Марья Семеновна с надеждой.

— Товарищи космонавты! — снова заговорил в динамике изобретатель Стеклов. — Возвращение на Землю я предусмотреть не успел. Мне очень жаль, но вы превратитесь в спутник нашей планеты. Через некоторое время вы войдете в плотные слои атмосферы и сгорите.

— У нас очередь на гарнитур подходит! — забарабанила Авазова в стены лифта.

— А у меня завтра совещание, — боднул динамик Авазов.

— А я суп на плите оставила, — сказала Марья Семеновна. — Картофельный. С красным перчиком.

— А я собирался пить бросить, — загрустил дядя Костя.

— А меня жена запилила: мало денег ношу. Поэтому мне все равно куда. Хоть на околоземную орбиту, хоть в «черную дыру», — радостно сообщил я.

— В какую дыру? — испугалась Марья Семеновна.

— В черную. Есть такие звезды. Они сужаются и затягивают в себя все, что им попадет под руку. Друзья! — обратился я к присутствующим. — Самое время выбрать командира нашего космического лифта. Какие будут кандидатуры?

— Кроме вас, некого избрать, — сказал мне дядя Костя. — У Авазовых — кресло, у Марьи Семеновны — Роза, у меня — «Стрелецкая».

— Если других предложений нет, прошу голосовать, — сказал я.

Меня выбрали единогласно, и я решительно взял бразды правления в свои руки:

— Наша задача продержаться подольше. Возможно, какой-нибудь космический корабль и возьмет нас на буксир. Наша провизия — хлеб, который я только что купил в булочной. Хуже с водой — вместо воды у нас бутылка «Стрелецкой».

— Не у нас, а у меня, — поправил дядя Костя.

— Слово командира закон! — отрезал я. — Прошу сдать бутылку Марье Семеновне, которую назначаю главным хранителем хлеба и воды.

— А не скормит она хлеб своей ненаглядной Розе? — засомневалась Авазова.

— И еще, — продолжал я сурово. — Всяческие недружелюбные намеки, подковырки и грубые выпады в космосе отменяются. У кого несовместимость, будьте добры преодолеть ее. Товарищи Авазовы, как вас зовут?

— Тихон Христофорович и Софья Андреевна, — представился сразу за двоих Авазов.

— Очень рад! — сказал я, горячо пожав руки супругам. — Хорошо еще, что нас забросили в космос, а то и не познакомились бы. Софья Андреевна! Прошу любить и жаловать собачку Розу. Она полноправный член нашего экипажа.

— Роза, дай лапку Софье Андреевне, — сказала Марья Семеновна.

— А вы, Марья Семеновна, — распорядился я, — дайте лапку... вернее, руку Тихону Христофоровичу. И, кстати, если люди питают слабость к хорошей мебели, — это вовсе не порок. Одни любят собачек, другие — мебель.

— Уже начинает жажда мучить, — прохрипел дядя Костя.

— Сначала перекусим, — сказал я.

— Вообще-то полагается наоборот, — оживился дядя Костя.

— Никаких наоборот, товарищ дядя Костя, — охладил я его. — Здесь «Стрелецкая» не для веселья, а для того чтобы запивать пищу. Представьте, что это не водка, а «Нарзан».

Марья Семеновна выдала каждому по маленькому кусочку хлеба.

— К сожалению, нас забросили в космос без стакана, — посоветовал я, распечатывая бутылку. — Пить будем из горлышка. По одному глотку.

Бутылка пошла по кругу. Авазовы, хлебнув «Стрелецкой», преобразились. Софья Андреевна разумылилась и заулыбалась.

— Удивительно симпатичная собачка! — влюбленно уставившись на Розу, восторгалась она. — И как я этого раньше не замечала! Тихон Христофорович, обняв дядю Костю, затыкнул:

— Валенки, валенки...

Мы все дружно подхватили эту не совсем космическую песню:

— Эх, не подшиты, стареньки...

И вдруг двери лифта открылись, и Марья Семеновна, стоявшая у дверей, вывалилась наружу.

— Человек в открытом космосе! — заголосил дядя Костя.

— Человек на пятом этаже, — сказал кто-то мрачно из космоса.

Мы осторожно выглянули из лифта. И первым делом увидели какого-то паренька в спецовке. Потом бросились в глаза обитые дерматином двери квартир.

— Стеклов я, — представился паренек.

Высыпавшись из лифта, мы стали обнимать Стеклова.

— Товарищ изобретатель! Разрешите доложить! — торжественно отчеканил я. — Первый в мире космический лифт благополучно совершил мягкую посадку в заданном районе второго подъезда.

— Вольно, — поморщился Стеклов. — К сожалению, я ошибся — вы никуда не летали. А мотались безостановочно, как челнок, между пятым и шестым этажами. Мой двигатель не смог вывести лифт на

космическую орбиту. Хотя и создал, судя по вашим репликам, эффект невесомости.

— Обидно: мы только начали находить общий язык и уже посадка, — огорчился Тихон Христофорович.

— Приглашаю всех на картофельный суп, — сказала Марья Семеновна, первая в мире женщина, побывавшая в открытом космосе.

Весь экипаж космического лифта, водворив кресло-кровать в квартиру Авазовых, дружно отправился к Марье Семеновне на суп.

ШАШЛЫК ИЗ ВОРОН

Если бы я был царем, я пообещал бы полцарства тому, кто сможет вызвать удивление на лице моей пятилетней дочери Ксюши. Чтобы удивить ее, надо быть сказочным Иванушкой-дурачком или хотя бы академиком. Мне, рядовому отцу, это не под силу.

В три года я повез ее на море. Увидев впервые море и горы из окна автобуса, Ксюша скользнула по ним взглядом и принялась разворачивать карамель.

— Ксюша, ты не думай, это не наша дачная речка Лебедянка, — засюсюкал я. — Это и есть море.

— Вижу, что море, — хрустя конфетой, сказала Ксюша. — Я знаю: у моря нет второго берега.

— А горы-то! Посмотри только на них, дочка! Огромные, как великаны! — лез я из кожи.

— Великаны огромнее, — с уверенностью сказала Ксения. — В одной сказке великан выше неба.

Годам к тридцати пяти мне довелось отвесть заморский фрукт манго. Я был потрясен богатой вкусовой палитрой этого неземного плода. Когда Ксюшу впервые угостили манго, на ее лице была такая невыразимая скука, словно ей каждый день доставляют из Африки спецрейсом самолета всевозможные дикивинки тамошней флоры, и если она их до сих пор еще потребляет, так исключительно из уважения к трудовому люду черного континента, который выращивает тропические фрукты.

Надеясь поразить воображение дочери, я привел ее к Лобному месту.

— Вот здесь, Ксюша, в старину четвертовали людей. Люди после этого оставались без рук, ног и голов.

— А, знаю, — не моргнув глазом, сказала Ксюша. — Потом им доставали живую воду и все прирастало. Ты сам читал мне такую сказку.

Да, по сказкам мы с Ксюшей давно ходим в передовиках. Исчерпав сказки народов мира, мы перешли на свои, доморощенные. Думаю, народы мира не обидятся на нас за то, что мы сводим вместе довольно разношерстную публику. Каждая наша сказка — это

вынужденная импровизация перед сном или во время еды. Нет ничего скучнее для Ксюши сна и еды, а под сказку она с готовностью ныряет под одеяло и садится за обеденный стол. Под сказку дочь сметает все, что стоит около нее на столе. Однажды рядом с ней по неосторожности поставили кастрюлю с супом, и вся семья осталась без первого.

Сон Ксюше дается труднее. Час, а то и два я отбиваю лавры у Арины Родионовны, несколько раз сам себя убаюкиваю, и слова, на которых меня заедает, теряют согласные.

—...и тогда, — бормочу я, — третья голова Змея Горыныча откусила по ошибке еую...

Ксюша толкает меня ногой, требуя восстановления согласных.

— Третья голова откусила первую, — еле ворочая языком, повторяю я.

— А что в это время делала вторая голова Змея Горыныча? — интересуется Ксюша.

— Вторая ела шашлык по-карски, — плету я в полузабытьи.

— Шашлык из ворон? — уточняет Ксюша.

— Почему из ворон? — недоумеваю я.

— Вороны каркают и шашлык по-карски.

— Нет. Вороны каркают сами по себе, отдельно от шашлыка, — разъясняю я.

— А почему по-карски? — вредничает Ксюша.

Я понятия не имею, откуда взялось это проклятое название. Но признаться дочери в своем невежестве не могу. Мне хорошо известны последствия такого необдуманного шага. Ксюша потребует, чтобы я немедленно позвонил своему начальнику Синяеву и прояснил ситуацию с шашлыком. По молодости лет она наивно полагает, что начальники знают больше своих подчиненных. Я уже как-то выяснял у Синяева под нажимом Ксюши происхождение слова «торшер». Синяев, как и следовало ожидать, четкого ответа не дал: про «моншер», говорит, знаю, а про «торшер» нет. Пришлось соврать дочери — а без исчерпывающей информации она отказывалась спать, — что торшер по-французски цапля, а цапли, как и торшер, любят стоять на одной ноге. Так, дескать, сказал Синяев.

На сей раз я решил обойтись без Синяева.

— Карский, — сказал я Ксюше, — фамилия одного путешественника, из которого людоеды приготовили шашлык. Так с легкой руки людоедов и появился шашлык по-карски.

— Дальше! — требует Ксюша.

— И тогда людоеды поняли, что самый вкусный шашлык из путешественников.

— Да не про людоедов ты рассказывал, а про Змея Горыныча, — нервничает Ксюша.

Про Змея Горыныча я начисто забыл. Хотя ясно, что ничего

хорошего он совершить не мог. Остороженько задаю Ксюше наводящий вопрос:

— Хотела бы ты иметь три головы, как Змей Горыныч?
— Нет. Головы передерутся, и одна слопает другую. Как у Змея.
«Неужели я нес такую ахинею!» — ужасаюсь я про себя.
— А третья голова — она-то куда смотрела? — прошупываю я.
— Как куда! Она же уплетала шашлык из путешествника!
— Ну, правильно! — наконец-то восстанавливаю я прерванную нить сказочного сюжета. — Третья голова откусила первую, а вторая, которая ела шашлык, не наелась и сгрызла откушенную голову. И как раз мимо проходил доктор Айболит. Он смазал Змеегорынычеву рану йодом, чтобы не было заражения крови, и заодно сделал ему прививку от свинки. Уходя, он оставил флакончик с йодом — на случай, если третья голова вздумает откусить еще и вторую. Но, конечно, третья голова не делает этого, так как ей тогда не с кем будет перекинуться словечком. Вот у человека одна голова, и, когда рядом нет друга, ему бывает очень скучно. А с двумя головами он бы не скучал даже в одиночестве.

— Папа, а Иван-царевич, отрубив головы Змею, смазал ему раны йодом?

— Нет.
— Почему? А заражение крови?
— Иван-царевич не прихватил с собою йода.
— Он забыл в аптеку зайти?
— Аптек в то время не было.
— А где же взял йод Айболит?
— Айболит жил в наше время.
— Как же они встретились?

Чтобы свести концы с концами, мне волей-неволей приходится совершать чудеса:

— Змей Горыныч жил высоко в горах, и однажды его засыпало снегом. Он заснул и проспал под снегом ровно тысячу лет. А когда снег растаял, он проснулся, чувствует что-то не то. Самолеты летают, тракторы жужжат в долинах. Ну, Змей на нервной почве и откусил себе голову. А тут как раз мимо доктор Айболит проходил.

— А Змей Горыныч к нам не заявится?

— Не должен, — говорю я. — Он, когда в снегу спал, отморозил лапы.

— А вдруг заявится? — не верит Ксюша.

— Заявится — угостим его манной кашей. У него за тысячу лет зубы выпадали. И он теперь на диете.

Одним словом, Ксюша привыкла к чудесам. Оттого-то море и кажется ей рядовой лужей, горы — грудой камней.

В последнее время я решил вернуть Ксюшу на землю и в основном

рассказываю ей о том, как я работал в юности дворником, каким инструментом при этом пользовался, куда девал мусор и пищевые отходы.

Есть Ксюша стала хуже, зато засыпает гораздо быстрее.

ЛЕТУЧИЙ ГОЛЛАНДЕЦ

Я нашел на дороге десять рублей. Невелики деньги, а все равно приятно. Тем более, это редко случается. Мне, например, такая сумма на дороге встретилась впервые.

Огляделся я — может, растеряша, посеявший червонец, и объявится. Обидно все-таки потерять десять рублей. Шубенку на них не справишь, а, скажем, на подсвечник вполне хватает. Может, человек и думал пустить эту десятку на подсвечник — кто знает. И вдруг такой удар. Меня однажды на пятерку обсчитали, и то я целую ночь не спал.

Но время позднее, на улице пусто. Сунул я находку в карман и зашагал домой, внимательно глядя под ноги. Однако больше ничего ценного не попадалось.

Дома, лежа в постели, я стал прикидывать, как потратить свалившиеся с неба деньги. Перебрал все варианты, но ни один меня не устроил. Над рядовой десяткой, полученной в зарплату, я бы не ломал голову, а купил какую-нибудь ерунду.

Чайник, к примеру, — у моего змал совсем облупилась, или утюг — имеющийся в доме давно гладит на одном режиме, или бра — неудобство, что ни говори: почитал перед сном книжечку и, не вылезая из постели, щелк выключателем.

Но в том-то и дело, не рядовой это червонец, а, можно сказать, подарочный. Мне его судьба подбросила. И потратить его хотелось на предмет, который мне и в голову бы не пришло отхватить на свои кровные. Поскольку и без него жить можно припеваючи.

Вот, кстати, нечто сувенирное, вроде подсвечника. На свои я бы его и под угрозой расстрела не купил. Или чеканка. На ней дева выдавлена. Руки девы простерты к звездам. Символично. Олицетворяет тягу человечества в космос.

Или шкатулку для хранения драгоценностей. Пока с драгоценностями у меня спокойно, можно держать в ней гвозди, шайбы и тому подобные железки.

Что еще привлекательного в сувенирных отделах? Ночник в виде совы. Не хватало еще совы в доме! Мраморная пепельница. Жестяных навалом, из-под консервов. Расписная полочка для полотенец. А гвозди на что? Макет парусника...

Когда я вспомнил про парусник, сердце у меня радостно заколотилось. Всякий раз, приходя в универмаг за каким-нибудь

прозрачным кремом для бритья, я заруливал к сувенирам и с восторгом таращился на этот изящный корабль с капитанским мостиком и голубоватыми парусами. Мне страшно хотелось иметь такой парусник, да жалко было денег. Как ни крути, а блажь это покупать вещь, пускай красивую, но в обиходе совершенно бесполезную.

Другое дело приобрести парусник на дармовой червонец. Не я его зарабатывал, не мне его жалеть. Завтра же, решил я, после работы куплю парусник. На телевизоре ему самое место. Буду получать еще большее наслаждение от передач о морских путешествиях.

На другой день, не успеваю занять свое рабочее место, как возникает Сорокин из месткома, интересуется моей жизнью.

— Живу просто замечательно, — отвечаю я, не подозревая никакой пакости. — Вот десять рублей нашел.

И для наглядности демонстрирую деньги.

— Поздравляю, — радуется за меня Сорокин. — Вовремя тебе подкинули. У нас как раз два события. У Варенцова день рождения, а у Шматко теща померла. С мужиков на того и на другого собираем по пятерке. Итого червонец.

И берет у меня заветную десятку. И сам того не понимая, от лица месткома рушит мою мечту. Корабль с голубоватыми парусами тает в дымке, как летучий голландец.

ПОДАРОК

Приятель подарил мне блокнот. Да не простой, а весь в золотистом орнаменте, обложка под крокодилью кожу выполнена. И по толщине не блокнот, а целая книга.

Ну, думаю, не иначе как на писателей рассчитан. Кто, кроме писателей, столько испишет? Однако открываю обложку, а там по-английски напечатано: «Металлопоставка». Вот те на — писатели здесь ни при чем! На снабженцев узкого профиля рассчитан блокнот. А именно на специалистов по металлопоставкам. И они, выходит, не чураются бумагомарания.

Перелистываю страницы — каждый листочек имеет дату, а листочков, — сколько дней в году. Отсюда и толщина блокнота.

А приятель поясняет:

— Это чтобы память не засорять. Наметил дело, скажем, на среду, черкни пару слов на соответствующем листочке.

— А если не наметил? — спросил я.

— Значит, вольготно живется тебе, — сказал приятель.

— Не так уж и вольготно, — успокоил я его. — Дел невпроворот. Только все они сваливаются неожиданно-негаданно. Я их не планирую, а они все равно сваливаются.

— Назначь деловое свидание, — посоветовал приятель. — Договорись с каким-нибудь Иваном Ивановичем о встрече на этой неделе. Вот тебе и пометка в блокноте.

— Здорово! — восхитился я. — А другие дни недели? Так и остаются пустые?

— Тебя начальство на ковер вызывает? — поинтересовался приятель.

— Не без того, — вздохнул я.

— Пожалуйста, еще запись. Фиксируй каждый гагоняй, чтобы в конце года определить периодичность выволочек. Веди такую статистику ежегодно, и ты узнаешь, меняется ли с годами отношение к тебе начальства и в какую сторону.

— Не так уж и часто гnevается на меня руководство, — с сожалением сказал я. — Жди, когда дойдет твоя очередь. А чем в промежутках заполнять блокнот?

— Тебе мысли в голову приходят?

Я задумался.

— Наверное. Сейчас не могу точно вспомнить.

— Мысли ко всем приходят, — с уверенностью сказал приятель. — Выбирай самые любопытные — и в блокнотик. Записывай и отдельные наблюдения. Фиксируй факты. Даю рыбу: седьмого апреля Окороков выиграл стиральную машину, а двадцать пятого сентября Марья Антоновна обозвала Закидаева саблезубым тигром. Второго октября Закидаев демонстрировал изображение саблезубого тигра, пытаюсь доказать, что не похож на него. Но все решили: что-то общее между ними есть.

— Вот фиксировать это пара пустяков, — сказал я. — Это мне под силу.

С нетерпением я ждал наступления следующего года, на который был рассчитан блокнот. И наконец первое января. Открываю блокнот и начинаю регистрировать факты:

«Я проснулся. Жена тоже. Я сказал: «С Новым годом!» Жена тоже. Не одеваясь, сел за стол, где были остатки вчерашнего пиршества. Жена тоже. Попробовал салат — он скис. Жена тоже».

— Что ты пишешь? — спросила жена, взглянув в блокнот.

— Пока только факты, — ответил я. — Пол-листка буду посвящать дому, остальное работе.

Пробежав запись, жена поблелела.

— Значит, я скисла? — с обидой спросила она.

— Не ты, а салат.

— Сначала салат, а потом я.

— Ты не поняла. Сначала я попробовал салат, который скис, а потом ты его попробовала.

— А здесь, что написано? — ткнула жена в блокнот.

— Что я, не одеваясь, сел за стол.

— Дальше!

— Жена тоже.

— И этот интим ты собираешься тащить на службу! — схватила жена за голову. — А если кто-нибудь прочитает? Немедленно вырви листок!

Пришлось вырвать.

Второго января на работе я решил начать фиксацию с моего друга Капотова. Понаблюдав за ним, я сделал запись:

«Капотов смотрит в окно. Минуту смотрит. Две. Десять. Прошло полчаса, а Капотов все смотрит в окно...»

Подойдя к окну, я увидел толпу перед магазином «Вино». На нее то и глазел Капотов.

«За окном, — продолжил я, — Капотов разглядывает толпу, ждущую одиннадцати часов».

Когда стрелка перевалила за одиннадцать, я записал:

«Магазин открыли. Капотов нервно ерзает на стуле».

В обеденный перерыв я прихватил блокнот в столовую. Как всегда, обедал вместе с Капотовым.

— Что ты уставился на меня? — спросил Капотов, когда мы сели за стол. — Не видел, как я суп ем?

— Видел, но никогда не писал про это, — ответил я, показав на блокнот.

Капотов поперхнулся супом и открыл мой блокнот. Пробежав глазами написанное, он набылчился.

— Не знал я, что ты шпионишь за мной, — тихо сказал он. — Хорош дружок! Подсчитал, сколько времени я смотрел в окно! И на что смотрел, определил! Только ты сначала докажи, что мне опохмелиться захотелось! Пимен какой нашелся!

Выврал я еще один листок. Не терять же друга! А третьего января скитрил: блокнот оставил дома, объектом наблюдения избрал чертежницу Ниночку, а заполнял страничку вечером.

Четвертого января просыпаюсь, в душе нетерпение — так и хочется бежать на работу для очередных наблюдений. Вот она, оказывается, какова страсть к отображению действительности, к бумагомаранию! Сажусь завтракать, а жена говорит:

— Завтрака нет. Пускай Ниночка накормит тебя — ты с такой любовью отзываешься о ней!

И, держа в руках мой блокнот, с выражением цитирует:

«Ниночка, наша чертежница, поднесла к губам помаду и, заметив, что я наблюдаю за ней, озорно улыбнулась».

— Так вот, — сказала жена, — или я, или этот дурацкий блокнот!

Я вырвал и третий листок и, поднеся его к газовой горелке, спалил на огне свою, бесспорно, самую художественную запись.

Блокнот я вернул приятелю, чтобы он подарил его по назначению — тому, кто занимается металлопоставками.

ЧЕЛОВЕК В ШЛЕПАНЦАХ, ИЛИ ПОЖИРАТЕЛЬ ОГУРЦОВ

Вот идет человек. Не лауреат, не медалист ВДНХ, не победитель социалистического соревнования, не кандидат каких-нибудь наук, не руководитель солидного учреждения, а просто человек. Нет, возможно, и даже наверняка он что-нибудь эдакое собой представляет, имеет либо медали, либо звание, либо степень, либо пока еще ничем не отмечен, но как высококвалифицированный специалист пользуется уважением товарищей по работе, что, согласитесь, тоже недурно.

Но на улице человек оторван от своего коллектива. И в некотором смысле беззащитен. На улице жара, человек одет в рубашку с коротким рукавом, в руках у него авоська с огурцами и зеленью для засолки: укропом и листочком хрена. Вид малоофициальный, не располагающий к почтительному отношению. Таких-то с огурцами летом у любого рынка столько, что в глазах от огурцов рябит. И, кстати, у многих и огурцы попуыростее и зелень побогаче — компонентов поболее.

Так вот, несет человек свои огурцы и не подозревает даже, что вид у него с этими дурацкими огурцами в глазах кой-кого крайне безответственный, неделовой какой-то. Ну в глазах-то ему подобных граждан, неофициально дефилирующих там и сям, он вполне нормальный прохожий. Не вызывающий возмущения, несмотря на авоську с огурцами.

Но на улицах попадаются не только граждане как таковые. Кое-кто не таскается по улицам с огурцами, а находится здесь при исполнении. Кое-кто, пока человек с авоськой наведется на рынок, вырыл в рекордно короткий срок перед его домом огромную траншею. В которую обладатель огурцов и свалился, рассыав огурцы по дну траншеи.

К счастью, обошлось без травм. Но где это видано, чтобы в наш просвещенный век граждан отлавливали, как в свое время мамонтов. Да еще насмехались над ними.

— Не успеешь яму выкопать, как некоторые предприимчивые люди уже собирают в ней урожай огурцов, — гоготали экскаваторщик и прораб, руководивший земляными работами.

Человек с огурцами позволил себе выразить неудовольствие. В том духе, что неплохо бы траншею оградить, а для связи жителей дома с внешним миром перекинуть через нее мостик. Кроме того, он пообещал пожаловаться на прораба.

— Ответное слово прораба можно выделить рамкой. А можно не выделять — все равно оно незабываемо.

— Значит, так, Федя, записывай. Число пятое. Десять часов утра. Неизвестный субъект в пьяном виде скакал козлом через траншею,

жуя укрѣп и хреновый лист и мешая проведению земельных работ. Он же кусал ковш экскаватора, пытаясь нанести урон народному имуществу. На замечание экскаваторщика ответил нецензурной бранью.

— Но это же поклеп! — съежился от такого нахальства человек с огурцами.

— Кто есть он, Федя? — продолжал прораб. по-прежнему не снисходя до прямого общения с пострадавшим. — Так, пожиратель огурцов... Кто есть мы, Федя? Мы представители государственного СУ, которое уполномочило нас проложить в данном дворе кабель. Кому, спрашивается, поверят: празднующемуся типу или нам, исполняющим свои должностные обязанности?

Любитель малосольных огурчиков потерпел сокрушительное поражение.

Увы, редакционная почта свидетельствует: не одного его играючи положили на лопатки прячущиеся за спину государства хамовитые разгильдяи, ловкие жулики, холодные чинуши. Например, попытку человека сделать запись в жалобной книге продавцы дружно квалифицировали как хулиганство и, набрав номер милиции, повергли несостоявшегося жалобщика в паническое бегство. Во втором случае одной гражданке недовесили масло. Граммов тридцать. Другой бы на ее месте сделал вид, что крайне доволен таким поворотом. Но гражданка оказалась ответственным работником одного министерства, потребовала довесить масло. Сначала она вела переговоры как частное лицо. Как частное лицо она была обозвана «экземпляром». Тогда, чувствуя собственное бессилие, она привлекает из сумочки удостоверение и демонстрирует его продавцам. Незамедлительно довешивают ей недостающие граммы.

Но беда в том, что процент ответственных работников у нас не так высок. В основном все-таки население состоит из людей рядовых. И не каждый может козырнуть удостоверением.

Написал мне, скажем, из Подмосковья Андрей Иванович Ручкин. На стене его дома работники жэка повесили мощную ртутную лампу, свет от которой падает на окна квартир, мешая людям спать. На просьбы установить над лампой затеняющие щитки отвечено отказом.

Андрей Иванович не сообщает своей должности. Я не знаю о нем ровным счетом ничего. Но меня это нисколько не смущает. Может быть, он работает плотником, может, электриком. Может, награжден орденом, а может, и нет. Не исключено, что он на пенсии. Любый человек вне зависимости от анкетных данных вправе рассчитывать на то, чтобы окружающие, каким бы государственной важности делом они ни были заняты, соблюдали по отношению к нему хотя бы самые элементарные нормы поведения. Чтобы они не отлавливали прохожих, как мамонтов, не называли покупателей «экземплярами», не обвешивали их, не насмехались над людьми.

Казалось бы, не велика работенка. Возьми да поставь защитные щитки на ртутную лампу. Спите, дескать, Андрей Иванович, на здоровье. И не сердчайте, что мы раньше не подумали о ночном сне граждан. Небось не вы один недосыпаете по нашей вине, не у вас одного падает из-за этого производительность труда и подскакивает давление. Ах, да как же это мы, право, недоглядели!

Увы, не каждое должностное лицо способно на такой душевный порыв. Некоторые даже сознательно вытраивают из своей практики всякие живые нотки.

Перед кем расписаться-то? Кто они такие, жители подведомственных зданий? Так, людишки в шлепанцах. Не представляющие в рамках данного жилого фонда никаких организаций. А то, что они представляют за рамками фонда, это мы еще попробуем за зубок.

И пробуют.

Человек с огурцами — это был мой знакомый, — потерпев фиаско на поле боя, все-таки пожаловался на прораба в стройтрест. Подписался он скромно — житель дома № 5.

Как житель дома № 5 он получил такой ответ: «Во время проведения земельных работ вы совершали действия, которые могли повлечь опрокидывание экскаватора, то есть злостно покушались на социалистическую собственность. Поэтому считаем вашу жалобу необоснованной».

Тогда мой знакомый пошел путем гражданки, которой недовесили масло. Он ввел в сражение свое ведомство. А трудился он в одном из вузов. Профессором. Был лауреатом, орденосцем и вообще видной фигурой среди ученых.

Человек с огурцами превратился в профессора с огурцами. И, конечно же, огурцы сразу приобрели иную окраску. Если их нес профессор, значит, в этом была какая-то высшая необходимость. Транспортировка огурцов не менее важная задача, чем рытье траншей. И неизвестно еще, кто кому больше мешал нести свои обязанности — профессор прорабу или наоборот.

Ответ стройтреста на письмо вуза, в котором перечислялись многочисленные заслуги, звания и регалии профессора, гласил:

«Недостойное поведение прораба Мокина явилось предметом разбирательства в нашем коллективе. Мокин строго наказан».

Так как же нам помочь Андрею Ивановичу Ручкину? Андрей Иванович, вы случайно не профессор?

УДАРНИК ПО ЖРЕБИЮ

В детстве у меня был плохой аппетит. Кроме того, я не любил подметать пол. Не доставляло мне большого удовольствия и мытье

посуды. Сейчас все иначе: за обедом я съедаю три холодных блюда, два вторых, а кашу ем непременно с хлебом. Веник я, можно сказать, не выпускаю из рук: нет для меня ничего радостнее, чем выметать из-под дивана пыль. Даже в командировки я прихватываю с собой небольшой портативный веничек, а по вечерам с наслаждением мету гостиничный номер. Мытье же посуды для меня вообще самое изысканное занятие — что может быть красивее доведенной до зеркальности сковородки!

И все благодаря здоровому соревнованию. Когда я в младенчестве томился над котлетой, отец, как бы между прочим, говорил: «Интересно, кто в нашей семейке самый вместительный?» Стремясь быть первым, я с энтузиазмом поедал котлеты и выходил победителем в соревновании на вместительность.

Подметательный конкурс, также объявленный отцом, ставил целью определить, кто в семье способен вымести за одно подметание наибольшее количество мусора. Не желая и здесь уступать, я шуровал веником со скоростью суетливых персонажей немых фильмов.

Первую в своей жизни тарелку я помыл, борясь за звание лучшего посудомойщика семьи.

По вечерам к нам приходили гости, и отец на все лады расхваливал меня, знакомя собравшихся с показателями передового едока, подметальщика и посудомойщика. Я парил на крыльях тщеславия и зрел для новых свершений.

Не последнее место в доме занимали и материальные стимулы. Победителям домашних конкурсов устанавливались призы: сладости, билеты в кино, игрушки.

Однажды отец заматался на работе и не успел купить игрушку, завоеванную мною в трудной борьбе за звание «Самый осторожный спичкопользователь». Воспитательный процесс дал сбой. Мне почему-то сразу же расхотелось соблюдать осторожность в обращении с огнем.

Об этом я вспомнил в связи с сигналом в редакцию из одной автономной республики. Как вы догадываетесь, смотр-конкурс на лучшую организацию охраны труда и пожарной безопасности, который объявило Министерство сельского хозяйства республики, меньше всего напоминал детскую игру, элементы которой просматриваются в моих мемуарах. Перед конкурсантами — колхозами и совхозами республики — стояло много задач. Чтобы стать «Лучшим спичкопользователем», мне достаточно было научиться чиркать спичкой о коробок не к себе, а от себя и подальше от тюлевых занавесок. В республике же итоги конкурса подводили чуть ли не по двадцати позициям. Причем брали во внимание не только отсутствие возгораний и случаев травматизма, но и производственно-финансовые показатели хозяйств. Можете себе представить, как нелегко было стать победителем в этом соревновании.

И вот высокая смотровая комиссия во главе с заместителем

министра сельского хозяйства республики выявила лучших из лучших. В числе прочих победителей она назвала поименно и тридцать старших инженеров по технике безопасности — в том числе Сергея Васильевича Зайцева из колхоза «Первое Мая». Всем им по условиям конкурса полагалась премия. В размере пятидесяти рублей. И как стало известно из письма Сергея Васильевича, премия эта им не вручена.

Можно было бы предположить, что председатель комиссии, первый заместитель министра, как в свое время мой отец, просто заматался по службе и о премиях запамятовал. Но дело в том, что постановление комиссии подписано еще двумя ответственными товарищами — главой отраслевого обкома профсоюза и начальником отдела пожарной охраны МВД республики. Если замминистра действительно забыл о наградах, они могли в крайнем случае ему напомнить.

Теряясь в догадках, звоню в республиканский Минсельхоз. У телефона сотрудник отдела охраны труда.

— Насколько мне известно, награды вручены, — неуверенно говорит он. — Впрочем, перезвоните через часок, я уточню.

Через часок выясняется, что ни Сергей Васильевич Зайцев, ни его коллеги из других хозяйств премий действительно не получали. Оказывается, еще не создан централизованный денежный фонд при Минсельхозе, из которого обычно и выплачиваются премии. А фонд этот в основном формируется за счет отчислений организаций, в которые входят колхозы и совхозы. Они-то и срывают выплату премий победителям.

Я хотел было поинтересоваться у сотрудника отдела охраны труда, отчего же министерство не проследило за созданием фонда, но он опередил меня:

— Время между вашими звонками не прошло для министерства даром. Сам министр взялся за дело. Через несколько дней победители получат заслуженные награды. А Зайцеву премию вручим персонально.

Что значит «персонально», он не уточнил. Наверное, в колхоз «Первое Мая» выедет специальный представитель из центра. Или, наоборот, Сергея Васильевича пригласят в столицу республики, и, возможно, сам министр пожмет ему руку. Хотя, с другой стороны, почему бы ему не пожать руки всем награжденным и не извиниться перед ними за волокиту? Ведь одно дело — вручать премии в марте, а совсем другое — в сентябре.

Время от времени редакционная почта приносит нам такого же рода факты. Вспоминается, скажем, письмо доярки, которую наградили знаком «Победитель социалистического соревнования». Зна: этот ей так и не удалось поносить, ибо председатель совхозного рабочего сунул его в карман своего пиджака, который с месяц повисел в гардеробе, а потом жена председателя свезла его в райцентр,

в химичку. Вскоре пиджак благополучно вернулся из чистки, но Знака в нем уже не обнаружили.

В другом, не менее любопытном случае начальство забежало в цех, поинтересовалось показателями выработки, а потом высыпало перед мастером, как семечки, горсть значков «Ударник коммунистического труда».

— Случайно обнаружил в сейфе. Кажись, в прошлом году мы присваивали звания, а кому именно — убей, не помню. Бумага куда-то заделалась. Ты тут отдай кому-нибудь. Или жеребьевку устрой...

Когда организаторы соревнования забывают о его конечном этапе, не означает ли это, что они рассматривают трудовое соперничество только как способ улучшения производственной картины, а воспитательная сторона соревнования их совсем не волнует?

НЕ ПОВАРА МЫ И НЕ ПЛОТНИКИ...

Однажды, проанализировав почту, мы, сотрудники редакции, задумались: «А, собственно, тем ли делом занимаемся? Все чего-то пишем, рисуем, насмешничаем... А ведь, судя по читательским письмам, пора с этим делом завязывать. Пора сотрудникам «Крокодила» освоить многочисленные ремесла — стать сапожниками, плотниками, поварами, мастерами по всевозможному ремонту. Настало также время принять на работу культработников, сыщиков по розыску пропавших почтовых отправлений и др.»

А то ведь конфуз получается. Приходит, скажем, к нам посылка, а в ней драные полусапожки. Отправитель — гражданка Мухина. Как быть? У нас в редакции нет ни специального клея, ни гвоздей, ни тем более металлической лапы, на которой заколачивают гвозди в подметки. Заменить сапоги также не имеем возможности, ибо мы не фабрика, где их пошили, и не магазин, где их продали.

Полубовались мы на полусапожки, да так и вернули их владельце. А ее письмо отправили в городское управление торговли. И — о радость! — магазин возместил нашей читательнице стоимость халтурно сработанной обуви.

Но обратите внимание: Мухина уже пыталась сдать полусапожки по месту покупки. И получила от ворот поворот. «Оплачивать и обменивать не положено!» — в свое время заявили ей продавцы.

Что же затем-то изменилось? Понятно, что — Мухина написала в «Крокодил». И вдруг сразу выяснилось, что все положено: и обменивать обувь и возвращать ее стоимость.

И возникает вопрос, на который мы ответим ниже, обозрев ряд аналогичных фактов: «Почему дело не сдвинулось с места до вмешательства «Крокодила»?

Итак, аналогичные факты. Для начала — о дверях. Двери в редакцию, к счастью, еще не присылали, но если бы собрать все

требующие ремонта двери, о которых сигнализируют читатели, пришлось бы соорудить при редакции специальное складское помещение.

Свежее письмо: коммунальные службы города Кривопроямска в течение двух лет не могли решиться на ремонт двери в квартире читателя Махова. Мы попросили городские власти нацелить коммунальников на решение дверной проблемы. Через полмесяца нас уведомили, что проблема огромной сложности решена. И даже указали точную дату этого события.

— Что-то есть магическое в наших просьбах, если их так оперативно выполняют. Недавно мы даже смогли организовать диетпитание на машиностроительном заводе, хотя никто из нас курсов поваров и не кончал. Для этого нам оказалось достаточным ознакомить с письмом работницы завода областной совет профсоюзов. Сначала эта работница обращалась к администрации заводской столовой, которая, взвесив все «за» и «против», пришла к выводу, что готовить паровые котлеты и вегетарианские щи — занятие маловыгодное. Но стоило нам вмешаться, как администрация столовой пересмотрела свои позиции и уже отнеслась к паровым котлетам более благосклонно.

А сколько бумаги исписано о магазине № 25! По соседству с этим магазином, торговавшим спиртным, расположен детский сад. Возвращаясь домой, детишки ежедневно наталкивались на группки веселых граждан, которые формировали у них однобокое представление о русском языке.

Что касается горсовета, то он, очевидно, мыслил не лингвистическими категориями, а планово-экономическими: стоит ли сворачивать торговлю ходовым товаром?

Так, возможно, рассуждали в горсовете, оставляя без внимания сигналы местных жителей. Но вот они проинформировали «Крокодил» о противоестественном соседстве детей и выпивох. Письмо мы отправили в горсовет, который на этот раз уже не стал сбрасывать со счетов лингвистический аспект и продажу алкогольных напитков в этом магазине запретил.

Приплюсуем к фактам, приведенным выше, тысячи телевизоров, часов, сливных бачков, холодильников, крыш, лифтов, которые удалось отремонтировать только с помощью «Крокодила», и наконец ответим, почему так случилось. Тем более это легко сделать: почти во всех официальных сообщениях о восстановленной справедливости мелькают неизменные формулировки: «строго наказаны», «предупреждены», «лишены премии», «ущерб взыскан за счет виновных» и т. п.

Прослеживается особая разновидность работников, которые без нажима сверху и взысканий почему-то не в состоянии решать

даже самые простые вопросы. Они ждут, когда их попросят специально.

И начальство спускает им директивы. Часто по сигналам из нашей редакции, которой пишут читатели. В результате жалоба проходит длинный путь, теряется драгоценное время.

Оттого-то мы и сожалеем, что у нас нет своих сапожников, плотников и других специалистов.

ТО В ЖАР, ТО В ХОЛОД...

Старый Новый год

Старый Новый год мне предстояло встретить в поезде. Тринадцатого января в тринадцатом вагоне я выехал в командировку. Хорошо еще, что номер поезда был вполне счастливым. Только это, вероятно, и спасло меня от воспаления легких. Или еще от какой-нибудь напасти.

Когда поезд тронулся, проводники Володя и Саша объявили:

— Пассажирам с детьми, а также престарелым приготовиться к эвакуации.

Все высыпали из купе в коридор.

— В чем дело? — стал выяснять я. — Колесо отлетело или, может быть, вагон от состава отцепился?

— Без паники, граждане! — сказал Саша. — Дело обычное — холодный вагон. Детей и престарелых будем переселять в другие вагоны. Остальные остаются на своих местах.

Часть пассажиров, прихватив вещички, покинула вагон. Оставшиеся начали промышлять дополнительные одеяла. По мере того как поезд набирал скорость, в вагоне становилось все холоднее. Спать укладывались не раздеваясь, тем более что дверь моего купе заклинило и все попытки закрыть ее хотя несколько и разогрели меня и попутчиков, но окончились полной неудачей. Я натянул на себя весь командировочный гардероб: спортивный костюм, две рубашки, свитер, не говоря уже о брюках и пиджаке. Укрылся двумя одеялами.

Наступал Старый Новый год.

— Вообще-то встречать Новый год по старому календарю — явный анахронизм! — дрожащим голосом сказал один из попутчиков. — Я хоть и прихватил бутылочку «Шампанского», но ни за какие деньги не вылезу из-под матраса!

Он лежал под матрасом и при полном параде — в галстук и сапогах.

Подремав с часик, я очнулся от пронизывающей стужи. Мне показалось, что мое правое ухо заледенело. Протянув к нему руку, я понял — ухо касалось стенки купе, на котором выступил иней. Завывал ветер, из вентиляции выпархивал снежок. Пришлось влезть.

в пальто, натянуть шапку и в таком виде снова нырнуть под одеяла.

Утром сосед сильным голосом поздравил меня с Новым годом и предложил поиграть в снежки — с внутренней стороны окна лежал толстым слоем снег. Он был оптимистом, мой сосед, и в любой ситуации находил свои прелести. Наверное, именно о таких пассажирах мечтают в МПС.

Прибыв к месту назначения, я посетил местный резерв проводников, где мне дали биографическую справку о вагоне, в котором я чуть не отморозил ухо.

Вагону более четверти века. Он устарел физически и морально и большую часть года стоит в запасе. Сейчас его бросили в прорыв в связи со школьными каникулами. Кстати, в прошлом году он побывал на вагоноремонтном заводе, где его слегка покрасили. А обязаны были промыть систему отопления, разобрать трубы, очистить их от накипи и ржавчины, починить термоизоляцию окон.

— Как же вы принимали такой вагон?

— Котел проверили. А идет ли тепло по вагону, не удостоверились. Вероятно, где-то труба забита. Только если бы и заметили, не думайте, что завод отреагировал бы на замечания. Как правило, он оставляет наши рекламации безответными.

Анкета

После такой поездки неплохо бы чайком побаловаться. Или кофейку испить. Исследую вокзал и натыкаюсь на автомат, торгующий кофе. Прислушиваюсь: вроде бы в зале завывает ветер. Занимаю очередь, и вскоре автомат выдает мне искомый напиток в бумажном стаканчике. Пытаюсь взять его голыми руками, но не тут-то было. В стаканчике самый настоящий кипяток. Стаканчик мнется в руке, и кофе выплескивается из него. Какое счастье, что сейчас зима — натягиваю перчатки и транспортирую кофе к столу. Моему примеру следуют и другие пассажиры. Усердно думем на кофе — так вот откуда завывание ветра! У некоторых стаканчики дают течь: обжигаясь, они пытаются выпить кофе быстрее, чем он вытечет. Судя по лужам на столах, это им не удается. Но наиболее яркое впечатление остается от самого напитка. После первого глотка лица пассажиров вытягиваются, после второго они вопросительно смотрят друг на друга, после третьего начинаются выпадать в адрес авторов этого пойла, не имеющего ничего общего с благородным напитком.

Я достаю из портфеля чистый лист бумаги. Вверху пишу: «На что больше, по вашему мнению, похож кофе в автомате?» Делю лист надвое. Левый столбец — «на кофе». Правый — «на воду». И прошу пассажиров ответить на мою импровизированную анкету.

В результате левый столбец остается девственно чистым. Чего не скажешь о правом.

В конце дня, управившись с основными делами, звоню в городской отдел торговли. Веду разговор о качестве вокзального кофе, а про анкету из тактических соображений умалчиваю.

— Быть того не может! — заявляют мне. — Механики по наладке автоматов при всем желании не могут занижить дозировку кофе: не позволит автомат. Если, скажем, вместо полагающихся сорока граммов сгущенного кофе отпустить тридцать восемь, то датчик не сработает и моментально остановит автомат. Скорее всего вы субъективны в своей оценке. На вкус и цвет товарищей нет.

И опять я умолчал об анкете. А пообещал устроить опрос на другой день. И, конечно же, на другой день качество кофе резко улучшилось. И это свидетельствует о том, что не изобретены еще такие датчики, которые нельзя было бы обвести вокруг пальца.

ЯВКА НА РАБОТУ

Одна женщина поделилась с редакцией не очень-то оригинальным фактом. У нее сломался кран горячей воды. Явившийся по вызову слесарь был пьян и поэтому вместо ремонта сломал еще один кран.

Наивная женщина!

Ей кажется, что второй кран уцелел бы, приди слесарь к ней в трезвом состоянии. Вот я, например, уже около года с маниакальным постоянством вызываю слесарей, и все они являются в мою квартиру трезвыми как стеклышко. Тем не менее сливной бачок с таким же маниакальным упорством время от времени фонтанирует через край, держа в напряжении все мое семейство и соседей снизу.

Выходит, трезвость слесаря еще ничего не гарантирует. Такой вывод я делаю, разумеется, не для оправдания пьяниц. Дескать, все равно от вашего слесаря мало проку, пусть себе попивает, если это ему так нравится. «Пьянству — бой!» — громогласно провозглашает автор. Но, согласитесь, многое зависит и от умения, от мастерства, от профессионализма.

Возьмем профессию портного. К сожалению, далеко не вся клиентура в восторге от продукции пошивочных ателье. В иную поделку такого ателье может вырядиться только человек исключительного мужества. И то не во всех случаях. Например, на собственную свадьбу не наденешь костюм, чем-то напоминающий клоунский. Невеста в последний момент, чего доброго, сбежит с каким-нибудь денди, имеющим более элегантный вид.

Кстати, о свадьбе. Не так давно вступал в законный брак Игорь Котик. По загсовскому талону в местном ателье «Радуга» ему и соорудили нечто похожее на костюм. Плечи у пиджака свисали, пуговицы были пришиты так низко, что в застегнутом виде сковывали

товарищ слесарь, добрый десяток лет не расстаётся с гаечным ключом и до сих пор не разобрались в премудростях сливного бачка?»

Увы, так мы вопрошаем далеко не всегда. И слесарь, по безрукости которого залиты две квартиры, и портной-неумеха, омрачивший свадебное торжество, исправно получают свою зарплату. Нередко такую же точно, как их более искусные коллеги.

Давайте же помнить, что исправное хождение на работу, пусть даже в абсолютно трезвом виде, еще не самое большое достижение. О достижениях можно говорить лишь тогда, когда труженик, овладев всеми премудростями профессии, приносит действительную пользу своему предприятию, потребителю, клиенту.

ГДЕ ЭТА УЛИЦА, ГДЕ ЭТОТ ДОМ

Даже не верится, что в Москве были такие озера — Черное и Постылое. Впрочем, когда-то эти названия вполне соответствовали окружающим их достопримечательностям. Озера находились неподалеку от Симоновской слободы. А в то время Симоновка — это хилые деревянные домишки, с десяток керосиновых фонарей, трактиры, кабаки, винные лавки, грязные улицы, городская свалка с ее неизбывным ароматом. И никакой, конечно, канализации и водопровода. Воду развозили в бочках по копейке за ведро. В руки отпускали не больше двух ведер.

В Симоновке, а также в соседней деревне Кожухово, в основном на частных квартирах, жили рабочие завода «Динамо». Мыться они ходили в баню аж к Павелецкому вокзалу, а белье полоскали в Москверке. Жизнь их также можно было назвать черной и постылой; может быть, оттого и бастовали они чаще, чем рабочие соседних предприятий. Впрочем, соседи иной раз, глядя на них, тоже бросали работу: динамовцы зря бастовать не будут, рассуждали они, надо их поддержать.

Впереди были динамовцы в революционном движении. Одними из первых они встали и на путь новой жизни после Октября.

«Рекорд быстроты и точности» — под таким красноречивым заголовком поместила газета «Правда» в начале двадцатых годов сообщение о первых трудовых победах завода. Именно так старались динамовцы работать и все последующие годы. Вот беглый обзор их достижений: первый советский электровоз, первый троллейбус, двигатели для башенных кранов и трамваев, мощные трансформаторы для электростанций, уникальное электрооборудование для канала Москва — Волга и метрополитена, выполнение заказов для металлургических гигантов.

Сейчас по стране шагает динамовский почин «каждому рабочему — личный план», дающий чудеса выработки.

Первопроходцами были динамовцы не только в работе, но и в быту. Первый детский сад в нашей стране организовали не где-нибудь, а на заводе «Динамо» в 1918 году.

Первый жилой дом, построенный в Москве при Советской власти, передан за успехи в труде не кому-нибудь, а рабочим завода «Динамо» в 1923 году.

«Гнездышко»

Не до лирики, казалось бы, когда на молодую Республику Советов насаждают враги. А может, и не лирика в том виновата, что свой детский сад динамовцы назвали «Гнездышко». Может, название от трудностей, которых не могло не быть при создании первого в стране детского сада. Рабочие буквально свили его, как заботливые птицы.

Сейчас, когда многие бывшие воспитанники «Гнездышка» ходят в ветеранах завода, угадывается и еще один, наверное, самый главный смысл, вложенный в название сада. Его воспитанники, вылетев из гнезда, должны были стать хозяевами завода.

Валю Панюнина в восемнадцатом привел в сад его отец Александр Трифонович — один из организаторов большевистской ячейки на заводе, руководитель боевой Симоновской дружины в 1905 году. Сад располагался в деревянном домишке недалеко от завода. Если бы в него привести нынешнего ребенка, он бы, наверное, отказался коротать дни в такой избе. Ни тебе игрушечного изобилия, ни аквариума с рыбками, ни ковра на полу, ни прочих примет современного детского сада. Не было в избе и такой немаловажной приметы, как кровать. Спали дети на полу, ели из мисок, сидя за длинным столом, сколоченным заводскими умельцами.

Зато «Гнездышко» хорошо отапливалось — на дрова для сада разобрали несколько деревянных домов. Завком отправил группу рабочих в южные районы страны для обмена личных пожитков на продукты для детей. Специальная комиссия ездила, например, в Киргизию за козами. Обменный фонд создавался общими усилиями, вносили в него что что мог: рубашки, брюки, белье и даже молотки.

Постепенно «Гнездышко» богатело. Через два года, когда в сад пошла будущая жена Вали Панюнина Лидя, здесь уже музицировали на пианино, в праздники устраивались утренники, и первая в саду и, между прочим, в стране воспитательница Анна Никитична Шевякова дарила детям подарки — ботиночки или ситцевые отрезы на платье.

7 ноября 1921 года на заводе выступал Владимир Ильич Ленин. Узнав о детском саде динамовцев, Владимир Ильич горячо одобрил идею создания на предприятиях детских учреждений и помог саду продуктами.

Было это ровно шестьдесят лет назад. Бывшие питомцы «Гнездышка» супруги Панюнины — Лидия Сергеевна и Валентин Александрович

вич, посвятившие заводу многие годы жизни, вышли на пенсию. Отходили в «Гнездышко» еще два поколения Панюниных — их дети и внуки, а оно по-прежнему нянчит, пестует и выпускает в большую жизнь динамовскую поросль. Хотя теперь точнее было бы называть его «Гнездовьем». Ибо имеет оно с некоторых пор три этажа, буйную растительность вокруг, современную мебель, телевизоры, десять групп, двадцать два воспитателя и 280 граждан дошкольного возраста, которые могут быть спокойны за свои молочные зубы, ибо в саду оборудован зубо врачебный кабинет.

Единственный недостаток сада — это его образцовая показательность: частые визитеры здесь — зарубежные гости, которые приходят в умиление от того, например, как споро динамовские дети умеют зашнуровывать ботинки.

Умиление переходит в удивление, когда гости узнают, что на «Динамо» еще три сада и полное отсутствие очереди на место в них.

На бывшей Сорокосвятской

У Крестьянской заставы прежде находилась церковь Четыредесятимучеников. Сейчас трудно сказать, за что в свое время пострадали эти мученики. Известно только, что Сорокосвятскую улицу называли в их честь. Да еще заодно и два переулка: Первый и Второй. Именно здесь Моссовет и построил свой самый первый жилой дом для рабочих. И, передав его заводу «Динамо», переименовал улицу в Динамовскую. А заодно уж в честь того же завода переименовал и два переулка.

Новая жизнь — новые названия. Канули в Лету сорок мучеников. Их потеснили 350 счастливых, поселившихся в доме.

Произошло это в канун шестой годовщины Октября.

К первому дому динамовцы шли с оркестром и знаменами. После торжественного митинга директору завода П. А. Максимову передали ключи, перехваченные красными лентами. Представителям Моссовета динамовцы вручили адрес:

«СЛАВНОМУ МОСКОВСКОМУ СОВЕТУ Р. К. Д.

Мы, рабочие и служащие завода «Динамо», учитывая тяжелое финансовое положение нашей республики, все же видим не на словах, а на деле победу нашего избранного Совета на жилищном фронте, где он стал хозяином восстановления Красной столицы и сдает нам то, что вырвал из рук разрухи — удобный для жилья дом.

Принимая этот вновь отстроенный дом от своего дорогого Совета, мы, трудящиеся завода «Динамо», заявляем с гордостью всему буржуазному миру: «Смотрите, что дают Советы и рабоче-крестьянская власть своим рабочим...»

Понятно волнение авторов адреса, которые до сих пор не жили в таком комфорте. Ведь в доме были центральное отопление, водопровод, канализация, электроосвещение.

«Красавец дом, единственный во всем Рогожско-Симоновском районе...» — тоже не без эмоций писала в то время газета «Рабочая Москва».

А сегодня, когда на наших глазах возникают все новые хребты жилых кварталов, столичная пресса информирует нас сухо и поделовому о заселении нового дома и уже не рискует сообщить, какой это дом по счету в районе или в городе. Да и мы сами научились получать квартиры, соблюдая завидное хладнокровие. Берем у техника-смотрителя сантехническую оснастку и буднично взлетаем на свой этаж. А заметив на унитазах небольшую щербинку, горласто требуем замены данного прибора.

Конечно, это радующая деловитость: она говорит о том, что новоселье стало для нас чуть ли не рядовым явлением. Один лишь завод «Динамо» за годы Советской власти понастроил и получил от Моссовета столько жилья, что его дома, сведенные вместе, могут составить целый городок. А если соединить вместе все детские сады Москвы, то возникнет такой шумовой эффект, который, думаю, по децибелам перекроет грохот, возникающий при запуске космической ракеты.

Весь мир поражается нашей заботе о детях, масштабам жилищного строительства в нашей стране. Сами же мы за мелочами быта порой не видим всей грандиозности происходящих вокруг нас перемен.

Мы попадаем на окраину Москвы, где совсем недавно квакали лягушки, и вместо того, чтобы подивиться дыбачимся там и здесь кварталам, ворчим на строителей, которые без конца что-то строят — то дом, то детский сад, то школу — и разводят на улицах грязь.

Ах, как хочется автору прибегнуть к торжественному штилю адреса, написанного динамовцами в 1923 году, и воскликнуть:

«А не пришло ли время прославить имя первой воспитательницы детского сада Анны Никитичны Шевяковой, которая в тяжелые годы гражданской войны устроила первым детсадовцам первую елку, разучивала с ними первую песенку и первое стихотворение? Почему бы, скажем, не назвать ее именем одну из улиц бывшей Симоновки?»

И не прийти ли нам с оркестром и знаменами на Динамовскую улицу, к самому первому дому, возведенному Моссоветом в 1923 году? С тем, чтобы украсить его исторические стены мемориальной доской, вспомнить, с чего началась наша Красная столица, погордиться ее небывалыми переменами!»

СТРАТЕГИЧЕСКАЯ РАДОСТЬ

Мы часто называем труд радостью. И это так, ибо на работу мы ходим, как на праздник: мужчины — в галстуках, а женщины — с накрашенными ресницами. А дома, между прочим, прекрасно

обходимся и без галстуков и без парфюмерии. Но вместе с тем нет-нет да и углядишь, как иной труженик, находясь на своем рабочем месте, не то что не прыгает от восторга, а прямо-таки мрачнее тучи.

Начнем издалека — с охоты на мамонтов. Неплохая была работенка у наших далеких предков, хотя и с определенными минусами. Во-первых, ненормированный рабочий день. Во-вторых, никакой тебе зарплаты. В-третьих, отсутствие перерыва на обед. К плюсам я бы отнес кристальную ясность цели, с которой наши пращурцы выходили на мамонта. Цель у них была одна — добыть пропитание. Запамätовать, для чего они рыщут в окрестностях с дубинками в руках, первобытные охотники никак не могли. Не достиг цели, не заманил мамонта в ловушку, оставил себя и своих соплеменников с пустым желудком — сразу видно, что рабочий день прошел впустую. И не принес ни малейшей радости. Радость в те бесхитростные времена имела место только при удачной охоте, то есть при достижении конечного результата.

Нынешний трудовой день насыщен радостями промежуточными. Положительные эмоции вызывает у нас уже сам процесс труда. Все-таки работать на современном предприятии — это вам не мамонта дубасить. Да и гарантированная получка два раза в месяц, что ни говори, вещь приятная. Штурм столового буфета, за прилавком которого, словно лакированный, поблескивает свежий карп, тоже радостно возбуждает нас. Добавьте сюда сладость перекуров, общение с друзьями по работе, вашу фотографию на Доске почета — и вы лишний раз убедитесь, что маленьких радостей у нас на службе предостаточно.

И вот, огородившись этими микрорадостями и микроцелями, мы порой забываем о поимке мамонта. О высшей стратегической радости, во имя которой мы, собственно, и заступаем ежедневно на свою вахту. А эта радость приходит только в том случае, когда труд наш дает ощутимые плоды и, говоря словами поэта, вливается в труд республики. Без этого хождение на работу теряет смысл и не приносит полного удовлетворения.

Для иллюстрации расскажем о том, как выращивают капусту в совхозе «Петровский».

Сначала там более полугода нянчат рассаду в специальных парниках. Затем высаживают капусту на поля и ухаживают за ней, не разгибая спины. Рыхлят почву, поливают, подкармливают капусту минеральными удобрениями, уничтожают сорняки, ведут нешуточную борьбу с вредителями. А вредителей у капусты целая армия. За ними нужен глаз да глаз. Личинки капустной мухи того и гляди прорывают туннели в корнях, а капустная тля, если ее не остановить, даст за лето шестнадцать поколений. Не дремлют также гусеницы, земляная блошка и капустная совка.

Короче говоря, трудностей уйма. И совхоз с упоением преодолевает их, причем не без активной помощи рабочих местных предприятий.

И капуста уродилась — загляденье! Правда, она осталась под снегом. Попреодолевав трудности и закалив свои характеры в борьбе с вредителями, работники совхоза решили, что цель достигнута.

А между прочим, за всю жизнь я еще не встретил ни одного человека, который не любил бы капусты. Все граждане исправно поедают голубцы, пирожки, начиненные капустой, супчики. В связи с чем возникает законная мысль — капусту выращивают не ради спортивного интереса и не только для определения передовиков на Доску почета, но еще в какой-то мере и для еды.

Если труженики села «Петровский» спокойно обозревают капустное кладбище, то специалисты и рабочие Нижнеярского стеклотарного завода, судя по письму председателя завкома, не желают видеть кладбище баночного. Перед ними твердая цель — выпускать банки для компотов и солений, а не для хранения в них дождевой воды. Не могут они ходить на работу, как на праздник, когда все склады завалены готовой продукцией. И не только склады. Банки тут всюду — в цехах, в заводууправлении, на заводской территории.

А причина — издержки планирования.

Эх, петровскую капустку бы да в нижнеярские баночки! Вот она стратегическая цель! И стратегическая радость!

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Славные ребята	2
Анонимка	4
Штамп на водопаде	6
Заразительный пример	8
Белла	9
Ковер	13
Путешествие на лифте	16
Шашлык из ворон	20
Летучий голландец	23
Подарок	24
Человек в шлепанцах или пожиратель огурцов	28
Ударник по жребию	31
Не повара мы и не плотники	34
То в жар, то в холод	37
Явка на работу	39
Где эта улица, где этот дом	42
Стратегическая радость	45

ЭДУАРД ИВАНОВИЧ ПОЛЯНСКИЙ ШАШЛЫК ИЗ ВОРОН

Редактор В. И. Свиридов.
Техн. редактор С. М. Вайсборд.

Сдано в набор 23.03.82 г. Подписано к печати 21.06.82 г.
А 05116. Формат бумаги $70 \times 108^{1/32}$. Бумага типографская
№ 2. Гарнитура «школьная». Офсетная печать.
Усл. печ. л. 2,10. Учетно-изд. л. 3,00. Тираж 75 000.
Изд. № 1559. Заказ № 2278. Цена 20 коп.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции
типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина
Москва, А-137, ГСП, ул. «Правды», 24.